

Образ истории истории в современном историографическом пространстве

*Каждый век, приобретая новые идеи,
приобретает и новые глаза.*

Г. Гейне

История истории в качестве важнейшего раздела исторического знания представляет сегодня самостоятельное научное поле как в западной, так и в нашей науке. Однако существуют различные версии ее восприятия, самоназвания и многообразие стратегий ее развития. Безусловно, проблемы *истории истории* нельзя рассматривать без учета новаций в научном мире, среди которых: формирование новой модели науки; трансформация дисциплинарного поля; столкновение и взаимопроникновение дисциплинарных традиций евроатлантического и восточноевропейского научных ареалов; вступление истории в «историографический этап» своего существования; переключение «дисциплинарного типа» мышления на «рефлексивный», «монодисциплинарного» – на «меж/трансдисциплинарный»; акцент на ретроспекцию дисциплинарной генеалогии.

Абрис ведущих тенденций, определяющих поиск представителей обоих историографических миров, – задача автора.

*Ученый отличается от литератора тем,
что «...цитирует различные мнения
по спорным проблемам,
прежде чем высказать собственное суждение...»*

Ян Парандовский

Евроатлантическая версия истории истории

Для Г. Иггерса, крупного немецкого ученого, почетного профессора Университета Буффало (США), реальная история историографии имеет давнюю традицию: за два столетия и, особенно в XX веке, констатирует он, было написано «множество историй историографии», которые первоначально имели «западный или национально-центричный характер»; после событий 1989–1991 гг. ученые обратились к «не западным мирам», в частности – к «социокультурным аспектам этих миров», с рубежа XX–XXI вв. – к анализу исторической культуры разных не западных обществ¹.

Известный историограф Карлос Антонио Агирре Рохас (Мексика) считает, что «расцвет и экспансия» *истории историографии* во всем пространстве исторических знаний за последние тридцать лет способствовали развитию более четкого самосознания историков, пониманию смысла историографической практики, объединению актуальных исторических проектов западной науки, созданию общей «карты» дисциплины истории в XX веке².

¹ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М., 2012. С. 21–23.

² Карлос Антонио Агирре Рохас. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008. С. 115–116.

Ремарка-экскурс. В XX веке в западной научной традиции история исторических идей входила в единое исследовательское поле сначала истории идей, затем интеллектуальной истории. К середине XX века в научной практике в области истории оперировали терминами *historiographie*, *Geschichtsschreibung*, *historical writing* в значении самой научной истории или историописания в целом. Термины *histoire de l'historiographie*, *storia della storiografia*, *history of historical writing*, *Geschichte der Historiographie* обозначали форму исторической рефлексии – историю историографии. Важную роль в институционализации истории историографии сыграл факт создания Комиссии по историографии на XV Международном конгрессе исторических наук (Бухарест, 1980). В 1995 г. Комиссия обрела новое название: Международная комиссия по истории и теории историографии. С 1982 г. Комиссия начала издавать журнал «*Storia della storiografia*», ставший ведущим журналом в области истории историографии. Публикация статей осуществлялась на английском, французском, немецком и итальянском языках, способствуя тем самым распространению новых понятий в широком пространстве научного мира.

В то же время и в западной литературе присутствует лексическое разнообразие. Еще в 1970-е гг. американские ученые соотносили термин «историография» с изучением истории исторических сочинений, с анализом основных интерпретаций тех или иных исторических событий, методов, используемых конкретными историками, историей собственно историописания, а в качестве основных источников историографии определяли труды историков. Термин «историография» продолжают применять в широком смысле, охватывая все аспекты философии, теории, исследования в области истории и создание исторических трудов. Фокус «новой историографии», получившей свое развитие под влиянием критической философии истории, направлен на изучение «истории историописания», а ее объектом выступает собственно «историографическая традиция» (Ф.Р. Анкерсмит). В многочисленных руководствах по написанию историографических работ, заполнивших современный электронный ресурс, историографию определяют как историю истории – *In a nutshell, historiography is the history of history.*

Интенсивный процесс историографических исследований привел в конце XX в. к стабилизации данной области в качестве раздела интеллектуальной истории, «которую иногда называют» – *Intellectual history of history.* Хотя дисциплинарного оформления *истории истории* в западной науке не произошло³, достаточно широкая исследовательская практика способствовала обретению данной областью своего статуса, что нашло отражение в энциклопедических изданиях, в частности в «Новой Британской энциклопедии» («*The New Encyclopaedia Britannica*», 1994. Volume 20) под самоназванием «*History of Historiography*».

Подъем с конца XX в. интереса к истории истории в американской и европейской литературе во многом обусловлен переосмыслением постмодернистского наследия, стремлением к преодолению агностицизма в отношении научного познания истории, к новому прочтению опыта предшествующей историографии.

³ См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 393, 32–33.

В литературе нового тысячелетия, несмотря на «расцвет и экспансию» *истории историографии*, идут напряженные поиски ее самоопределения и обозначения сферы ее «дисциплинарных полномочий». Анализируя состояние современной *истории историографии*, Карлос Антонио Агирре Рохас констатирует, что во многих странах эта важнейшая «область истории» («направление» или «ветвь актуальных исторических исследований»); цель которой – «повседневная практика исторической саморефлексии», еще играет «второстепенную или маргинальную роль» в иерархии исторических дисциплин или существует как «позитивистская версия истории историографии», способная лишь «к иллюстративным этикеткам» – составлению «скучного перечня» авторов и произведений, к «упрощенным и схематичным классификациям историографических комплексов».

«Координаты исследовательского пространства» «Другой», «обновленной», «критической» *истории историографии*, отличной от ее «позитивистской версии», Карлос Антонио Агирре Рохас видит в создании различных экспликативных моделей (на основе использования интеллектуальных инструментов самой исторической науки, а также всех социальных наук) для освоения «историографической вселенной», способных решить проблемы: 1/ периодизации траекторий историографических школ; 2/ «развернутых классификаций», объясняющих интеллектуальные связи авторов «в соответствующих историографических, интеллектуальных, социальных, политических и общих контекстах»; 3/ «процессов кросскультурного обмена и интеллектуального трансфера», генерирования новых парадигм, трансформации традиций и др.⁴

Согласно Г. Иггерсу, компаративистски ориентированная глобальная *история историографии* – приоритетное содержание данной области знания на современном этапе. Подобный проект должен предусматривать комплекс идей, которые для ученого предстают как постулаты его исследовательской стратегии: 1/ идея о взаимовлиянии западных и не западных миров как гетерогенных феноменов; 2/ идея об историографии – как объекте *истории историографии* – не только как о форме репрезентации прошлого, но и как о форме исторической памяти, которые взаимосвязаны «с другими аспектами жизни общества» и опосредованы спецификой исторической культуры в регионально-темпоральном плане; 3/ идея об осознании пределов исторической науки (шире – историописания в целом) «как основы для создания компаративной, межкультурной истории исторической мысли» с опорой в первую очередь на «исторические тексты» (как элементы культуры) в «широком институциональном, политическом и интеллектуальном контексте», на необходимость первоначальной «критики искажений прошлого» в связи с осознанием «границы рационального исследования» и наличия «собственных пристрастий» у историков; 4/ идея о необходимости включения в предмет изучения истории историографии организационной структуры исторической науки и преподавания истории («разработку дисциплин университетского цикла для профессиональных историков»); 5/ идея о связи истории исторического сознания и историописания с процессами глобализации и модернизации; 6/ идея о вестернизации и модернизации историографии («за пределами Запада», не теряющей одновременно «связи с прежними местными традициями»); 7/ идея об изменении «в процедурах исторического исследования, произошедших во всем мире под влиянием глобализации»; 8/ идея о «картографии современной

⁴ См.: Карлос Антонио Агирре Рохас. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. С. 9–13, 110.

исторической практики», для которой характерны пять «тенденций»: продолжающиеся «культурные и лингвистические повороты, способствующие подъему т.н. «новой культурной истории»; экспансия феминистской и гендерной истории; новый альянс между историческими и социальными науками в свете постмодернистской критики; вызовы национальной историографии, связанные в значительной степени с изучением постколониализма; подъем всемирной и глобальной истории, а также истории глобализации; 9/ идея отказа от европоцентризма; 10/ идея о защите «процедуры рационального исследования» в противовес постмодернистским литературным теориям, приводящим «к крайнему эпистемологическому релятивизму»³ и др.

Л.П. Репина, анализируя прежде всего опыт западной науки, справедливо поставила вопрос о сложности с определением предмета *истории историографии*, учитывая полисемантическую природу самого термина «историография». В связи с этим возможны, по ее мнению, разные подходы к изучению истории историографии в зависимости от ее *образа*.

Если рассматривать историографию как академическую дисциплину – науку о прошлом, то *историю исторической дисциплины – историю исторической науки* – можно описать «в трех измерениях, или тремя моделями», которые сосуществуют и постоянно взаимодействуют: 1/ «модель упорядочения и непрерывной коррекции исторической памяти»; 2/ «модель дисциплинарности»; 3/ «модель междисциплинарности».

Если *историю историографии* представить как историю *исторического знания* – «неотъемлемую составляющую интеллектуальной истории», то формирование ее содержательного пространства будет подчинено задачам: 1/ выявления исторических изменений фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания; 2/ изучения процессов становления и развития исторического сознания и исторической культуры, стиля исторического мышления и историописания, средств и форм научного исследования. Все эти линии должны рассматриваться «в общем контексте духовной культуры, социально-политических, организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи».

Одновременно Л.П. Репина выделяет три уровня изучения *истории историографии (исторического знания)*, которые соответствуют «основным направлениям обновленной методологии интеллектуальной истории» (учитывая опять же взаимосвязь этих уровней): 1/ история интеллектуальной жизни; 2/ история ментальностей; 3/ история ценностных ориентаций.

Это новое проблемно-предметное пространство *истории историографии* («полномасштабный историко-историографический проект») не исключает «традиционных составляющих», сформированных в предметных полях 1/ «дисциплинарной истории, 2/ проблемно-тематической историографии и 3/ истории исторической мысли», и опирается на принципы «третьей платформы» («средней линии») в эпистемологии истории⁴.

Лапидарно суммируя смысловые новации авторов, можно выделить общие – пересекающиеся – линии стратегических ориентиров истории историографии: 1) не порывая с традиционным предметным полем, история историографии все

³ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. С. 23–38.

⁴ См.: Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2013. С. 5–22.

более превращается в теоретическую дисциплину, направленную на основе осмысления основных тенденций развития и трансформации исторических знаний к конструированию объяснительных моделей интеллектуальных процессов в области изучения истории; 2) предметное пространство истории историографии будет постоянно стремиться к появлению новых проблемных полей по мере усложнения самого объекта своего изучения – *собственно историографии* – исторической науки / исторической мысли / исторических знаний / историописания / исторической памяти / исторической культуры – всего комплекса интеллектуальной жизни, нацеленной на познание прошлого; 3) изучение истории историографии должно иметь контекстуальный характер, без элиминации обширного спектра культурных, социально-политических, информационно-идеологических и прочих условий (контекстов) при анализе когнитивных процессов; 4) «репрезентирование прошлого» (Л.П. Репина) историописания все более устремляется в пространство культурно-интеллектуальной истории, «межкультурной истории исторической мысли», к анализу «кросскультурного обмена»; 5) история историографии должна быть нацелена на изучение взаимовлияний западных и не западных историографических миров как гетерогенных феноменов; 6) постоянное расширение собственного методологического инструментария с включением достижений «общего рынка» наук – аксиома исследовательского арсенала истории историографии; 7) базовой эпистемологической платформой должна быть т.н. «третья платформа», ориентированная на процедуры рационального исследования при всем осознании пределов исторического познания⁷.

В итоге акцентируем плодотворную мысль Г. Иггера о том, что *история историографии* – это «непрерывающийся диалог», предлагающий «не одно единственное изложение», но многообразие подчас конфликтующих между собой «интерпретаций», которые «обогащают нашу картину прошлого, но тем не менее остаются объектом критической проверки на предмет соответствия таким принятым в научном сообществе стандартам, как опора на эмпирику и логическая связность»⁸.

Восточноевропейская версия истории истории

1. Проблема дисциплинаризации

Проблема генезиса историографических знаний – как теоретическая и историко-историографическая – вошла в сферу исследовательских интересов ученых с тех пор, как стала формироваться рефлексивная составляющая самой истории исторической науки.

Истоки обращения к этой проблеме в XIX – начале XX веков наиболее четко обозначились уже у А.Г. Брикнера (Новороссийский университет) и А.С. Лаппо-Данилевского (Санкт-Петербургский университет). Н.Л. Рубинштейн – фигура знаковая в процессе институционализации историографии – своим творчеством привнес в советскую науку лучшие традиции университетской науки предшествующего периода и сумел создать ореол привлекательности историографии для критически-мыслящих советских историков⁹. Своими идеями он оказал значительное влияние на концептуальные подходы историографов 1960–1980-х годов.

В эпоху конституирования историографии как специальной исторической дисциплины проблема ее «истоков» и особенностей становления получила свое

⁷ Этими линиями, конечно, не ограничивается весь спектр инновационных предложений.

⁸ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. С. 38.

⁹ «Феномен Рубинштейна» по И.И. Колесник.

первоначальное концептуальное решение в работах Л.В. Черепнина, М.В. Нечкиной, В.Е. Иллерицкого, А.М. Сахарова (Москва), А.Л. Шапиро (Ленинград), Ф.П. Шевченко, А.В. Санцевича, В.Г. Сарбея (Киев), В.И. Астахова (Харьков) и др. Учеными были обозначены «начальные рубежи» появления новой области исторического знания (20–40-е годы XIX в.; 1850-е гг.; вторая половина XIX в. и проч.) и предложена соответствующая аргументация собственных научных позиций. Среди факторов, детерминирующих становление историографии (и «показателей» этого процесса), – утверждение историко-критического метода в исследовательской практике, полемика вокруг «Истории государства Российской» Н.М. Карамзина, расширение жанрового многообразия историко-научных трудов, начало чтения историографических курсов в университетах, кризис исторической науки и прочее.

Однако первые «теоретические онтологии» – предметное исследование проблемы – принадлежат **Р.А. Киреевой** (Москва) и **И.И. Колесник** (Днепропетровск), при этом проблема генезиса *истории истории* оказалась спроецированной в проблему дисциплинарности, хотя теоретического обоснования концепта *дисциплинарности* в исторической литературе предложено еще не было.

На рубеже 1970–1980-х гг. появилась первая историографическая концепция **Р.А. Киреевой** (Москва), которую можно условно обозначить как «*дидактическую модель*» *историографии*: ее стержневая идея сфокусирована в положении о дидактической детерминированности дисциплинарного оформления историографической ветви исторических знаний. Появление историографии связано с процессом преподавания, и сама дисциплина приобретала в первую очередь статус «университетской дисциплины». Вектор движения историографии у Р.А. Киреевой – от учебной дисциплины к научной дисциплине. Субъектом, «носителем» нового историографического знания, выступала университетская профессура – *профессиональные ученые*; их лекционные курсы становились и первыми историографическими публикациями. К началу XX в. историография приобрела собственное лицо, заняв определенное место в системе исторической науки и исторического образования. Хронологически процесс дисциплинарности историографии Р.А. Киреева определяет в границах – середина XIX в. (деятельность С.М. Соловьева) – 1960–1980-е гг. Создание специальных организационных структур, а главное, «внутренний рост» дисциплины – появление «теоретико-методологических обобщений», начало разработки *истории историографии* – выступают основными критериями завершения процесса дисциплинарности. Официальное утверждение дисциплинарного «имени» – *историография*, обретение нового статуса – *специальной исторической дисциплины* – свидетельствовали о получении «прав гражданства». Именно Р.А. Киреевой принадлежит введение в научный оборот новых категориальных формул – *проблемная историография и история историографии*¹⁰ как «история в третьей степени», открывшая новое проблемное поле собственно историографической рефлексии.

На рубеже 1980–1990-х гг. **И.И. Колесник** (Днепропетровск/Киев), обратившись к междисциплинарному арсеналу, на материалах истории русской исторической мысли, предложила «*рефлексивную модель*» *историографии*¹¹. И.И. Ко-

¹⁰ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 3, 13.

¹¹ См.: Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровск, 1993; Она же. Українська історіографія. XVIII – початок XX століття. Київ, 2000. С. 18–26; Она же. Українська історіографія: концептуальна історія. Київ, 2013. С. 120–131.

лесник принадлежит приоритет в применении науковедческого подхода к анализу генезиса истории исторической науки, а также в использовании категории «рефлексия» для объяснения природы историографии и механизмов ее возникновения. Историография, согласно ее модели, – это «рефлексивный компонент процесса исторического познания», который предстает в двух формах – «внутренней» (собственная рефлексия историка и проблемная историография) и «внешней» – дисциплинарной: история науки, методология истории и др. В системе исторической науки все формы рефлексии находятся в состоянии взаимосвязи и взаимодействия. Впервые в историографической литературе используя категорию «образ науки», И.И. Колесник выстраивает стадиальную последовательность «образов историографии» по следующей схеме: 1) с XVIII в. складывается «эмпирический образ» «научной историографии»; 2) с 20–30-х годов XIX в. – «начало» трансформации «эмпирического образа» в «собственно научный»: это – время формирования историографии как «особой области изучения»; 3) с середины XIX в. (с трудов С.М. Соловьева) идет процесс формирования «дисциплинарного образа» историографии. «Процесс создания организационно-дисциплинарных структур» историографии был «приостановлен» в период становления советской исторической науки и «возобновлен» с конца 1930-х – начала 1940-х годов; завершение приходится на 1950–1980-е годы – критерии: рост самосознания исторической науки; разработка проблем методологии и истории историографических исследований (появление *истории историографии* как формы историографической рефлексии); укрепление организационных основ. Рефлексивная природа историографии, считает И.И. Колесник, определяет и ее особое место в системе научного знания, и ее функциональное предназначение: именно *историография* обеспечивает сферу управления, планирования и контроля за познавательной деятельностью историка. Ведущие функции – конструктивная, направленная на получение нового знания, и парадигмальная как «способ поддержания данной системы историописания» – выступают в качестве функций «самопознания науки» и являются «регуляторами системы» исторической науки, вне которых эта система не может функционировать, воспроизводиться и развиваться.

Среди новейших – концептуальная схема, предложенная **М.Ф. Румянцевой** и **С.И. Маловичко**¹² (Москва), которую с большой долей условности можно обозначить как «*функциональную модель*» историографии. «Исходная гипотеза», сформулированная М.Ф. Румянцевой, содержит идею о том, что дисциплинаризация историографии была детерминирована сменой «типов рациональности / моделей науки», в связи с чем «реперные точки» в процессе преобразования моделей исторической науки определяли/ют «моменты трансформации дисциплинарного статуса историографии».

Ремарка. Пользуясь «привычным термином *историография*», оба автора считают более предпочтительным «нейтральный» и одновременно «всеобъемлющий» термин *история истории*, поскольку традиционное дисциплинарное наименование в современной «теоретико-познавательной ситуации» (настоятельно требующей дифференцированного подхода к исторической науке и социально ориентированному историо-

¹² См.: Румянцева М.Ф. Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Х., 2014. Вип. 13. С. С. 97–107; Маловичко С.И. Трансформация функций истории истории в системе исторической науки // Харківський історіографічний збірник. Х., 2014. Вип. 13. С. 74–84.

писанию и аналогично – к истории исторической науки и истории исторического знания, а также истории историописания) перестало соответствовать объекту исследования.

С.И. Маловичко акцентирует внимание на тот факт, что конкретный тип рациональности «актуализировал» определенные функции истории истории, которые в конечном счете формировали отношение исследователей к этой области знаний, придавая ей характерный облик и определяя ее статус. В эпоху классической рациональности история истории выполняла «методическую функцию», превращаясь в «копилку» историографического опыта и ориентируя исследователя на «холистический эмпиризм» и «аннотируемую библиографию». Усиление критической функции, с тенденцией к доминированию, имело свою специфику в этот период: историография становилась исследованием ошибок предшественников. В эпоху неклассической рациональности (история истории как рефлексия о процессе конструирования истории), оставаясь «критической», все более приобретает «функцию деконструкции». В это же время изменяется статус истории истории: в советской науке историография из вспомогательной становится специальной исторической дисциплиной, появляется новый объект ее исследования – собственная история: начинается конструирование истории историографии – возникает «новая функция саморефлексии». Постнеклассическая модель исторической науки актуализировала новые проблемные поля; произошли радикальные изменения на гносеологическом уровне; в историографических исследованиях утвердились принципы методологического и культурного плюрализма, поли- и междисциплинарные подходы, моделирование форм исторического познания и социокультурная контекстуальность. В итоге предметные поля современного научного исторического знания «преодолевают классическую дисциплинарную модель науки». История истории, считает С.И. Маловичко, по-прежнему выполняет функцию деконструкции, но объектом анализа выступает не столько история исторической науки, сколько история исторического знания и историческая память, при этом акцентируется методологический прием понимания. Обращая внимание на тот факт, что прежний подход к определению историографического источника как источника исторического, несущего информацию об историографическом процессе (М.В. Нечкина, Л.Н. Пушкарев, А.И. Зевелев и др.), соответствует «парадигмам классической науки, исчерпавшей свой эпистемологический потенциал в конце XIX в.», а «историографическая деконструкция», возникшая в эпоху неклассической модели науки, становится в эпоху неоклассической модели науки обязательным условием «осуществления феноменологической редукции», авторы отводят функции системности, этической и экспертной (составлявших ранее парафию историографии. – Т.П.) новому предметному полю – источниковедению историографии, предложившему «метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории»¹³.

«Реперные точки» (пользуясь терминологией М.Ф. Румянцевой), определяющие рубежи дисциплинарного созревания историографии, более-менее идентичны во всех трех моделях; главные «эпохальные» периоды дисциплинаризации: 1/ середина XIX – начало XX вв. с акцентом на «порубежье»; 2/ 1950/1960 – 1980-е гг. – завершение процесса.

¹³ См.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 203.

Энциклопедические статьи обычно суммируют исследовательский опыт, одновременно авторы акцентируют собственные позиции.

Энциклопедическая статья А.В. Яся (Киев) посвящена в первую очередь формированию украинской историографии. Заслуживают внимания две исходные идеи автора. Во-первых, выделяя пять значений термина *историография*, А.В. Ясь констатирует, что полисемантизм, изменчивость функционального предназначения и содержательного наполнения понятия *историография* связаны с длительным путем развития, оформления и институционализации *историографии* как научной дисциплины. Во-вторых, А.В. Ясь отмечает, что в Украине процесс институализации историографии как дисциплины длился на протяжении XIX – начала XX вв. в интеллектуальном пространстве и социокультурной среде Российской империи и Австрийской империи, отражая общие тенденции формирования историографии в Российской империи. На протяжении 1960–1980-х гг. формирование дисциплинарного статуса историографии в Украине происходило в границах официальной советской доктрины.

Общая схема дисциплинаризации включает следующие рубежи: 1) 2-я половина XIX в. – становление историографии как учебной дисциплины в университетах Российской империи, выделение из историографически-источниковедческих и историографически-библиографических работ собственно историографических студий; формирование проблемного поля (исторические взгляды ученых, жизнеописания, обзоры научного наследия и проч.); 2) рубеж XIX–XX вв. – определение содержательного наполнения понятия *историография* в контексте истории науки, истории идей, истории культуры; постепенное вытеснение из употребления термина *историография* как синонима термина *историческая наука*; 3) 1960–1980-х гг. формирование дисциплинарного статуса историографии с вариациями подходов: а/ специальная историческая дисциплина с более-менее широким проблемным полем; б/ специальная область исторической науки; в/ составная часть общественной мысли. Общепризнанным считалось разделение историографии на *донаучную* и *научного* (академического) периода; по типологической характеристике историографию разделяли на: общую (развитие исторических знаний и науки в целом), предметную и проблемную.

Постсоветская украинская историография формировалась под влиянием нескольких интеллектуальных влияний: 1/ на протяжении 1990-х гг. развитие происходило под лозунгом возвращения к национальному историографическому наследию; 2/ в конце 1990-х – начале 2000-х гг. началась разработка теоретико-методологической проблематики, подготовка дидактических курсов по национальной историографии, освоение европейского и мирового опыта, переориентация на изучение традиционного проблемного поля историографии с перспективы интеллектуальной истории и проч.; 3/ ныне украинская историография развивается под возрастающим влиянием интеллектуальной истории, науковедения, философии истории, культурологии и других дисциплин социогуманитарного профиля, что способствует расширению предметной области, обогащению методологического инструментария, формированию нового понятийного аппарата, расширению междисциплинарных подходов; одновременно влиятельными остаются традиционные подходы и концепции.

Дисциплинарный статус историографии: 1/ специальная дисциплина или область исторической науки с сугубо утилитарными целями; 2/ науковедческая дисциплина, изучающая историю исторической мысли и исторической науки как социального института; 3/ наука, исследующая историю историографическо-

го процесса во всем его разнообразии; 4/ важная составляющая интеллектуальной истории, неотъемлемая часть культурного мира идей¹⁴.

Особое мнение высказывают И.Л. Беленький, Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло, М.Ю. Парамонова (Москва). Согласно Г.Р. Наумовой и А.Е. Шикло *историография* становится самостоятельной дисциплиной с середины XIX в., когда четко определились ее предмет, задачи, значение, принципы изучения, а также классификация и периодизация исторических знаний¹⁵. В энциклопедической статье авторы констатируют: *дисциплинарное оформление историографии* происходит в границах – от полемики вокруг «Истории...» Н.М. Карамзина до 1890–1910-х гг. Для авторов *историография* – специальная научная дисциплина, «трактующая опыт познания истории»¹⁶.

Экскурс первый. О моделях дисциплинаризации

В современной литературе историография (вне зависимости от определения ее предмета) квалифицируется как академическая дисциплина, поэтому «модель дисциплинарности» (как одно из измерений)¹⁷ может быть применима к изучению дисциплинаризации историографии. Однако при этом сразу же возникает проблема содержательного наполнения категорий *дисциплинарности* и *научной дисциплины*.

1. В науковедческой литературе 1970–1980-х гг. (как советской, так и западной)¹⁸ *дисциплинарность* определяли как общую организационную структуру научного знания, а *научную дисциплину* – как элемент этой структуры, определенный уровень в развитии научного знания, его конкретно-историческую форму. Параметры научной дисциплины: единство дисциплинарного знания и способов действия с ним; общее содержание специальной подготовки исследователей и формы их идентификации; единый набор средств дисциплинарной коммуникации и институтов, регулирующих функционирование дисциплины.

2. Классической моделью для изучения процессов дисциплинаризации может выступать модель *дисциплинарной матрицы Т. Куна*¹⁹.

Экскурс. Томас Кун в поисках единицы анализа науки первоначально сделал ключевым понятие парадигма. Исходя из эпистемологических и методологических соображений, он определял парадигму как совокупность убеждений и ценностей, моделей и образцов решения научных проблем, характерных для членов научного сообщества: «Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества...»²⁰. Подобный

¹⁴ См.: Ясь О.В. Историография, як термін, поняття та дисципліна // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ, 2005. С. 584–591.

¹⁵ См.: Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: учеб. пособие. М., 2008. С. 6.

¹⁶ См.: Беленький И.Л., Наумова Г.Р., Парамонова М.Ю. Историография // Энциклопедия. 2015–2016 гг. URL: <http://knowledge.su/i/istoriografija>

¹⁷ См.: Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории. С. 7.

¹⁸ См.: Научная деятельность: структура и институты: сборник переводов. М., 1980; Мирский Э.М. Междисциплинарность и дисциплинарная организация науки. М., 1980; Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование. М., 1988; Дисциплинарность и взаимодействие наук. М., 1986 и др.

¹⁹ См.: Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Сост. В.Ю.Кузнецов. М., 2002. С. 235–241.

²⁰ Там же. С. 225.

«изоморфизм» (или, по определению самого Т. Куна, «логический круг»): парадигма объединяет членов научного сообщества и наоборот – научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму) вызвал критическую реакцию коллег, что заставило ученого пересмотреть исходные позиции. В дополнениях к своей книге, сделанных в 1969 году, Т. Кун приходит к выводу о том, что научные сообщества должны рассматриваться как самостоятельный объект исследования (особая структура в науке) без обращения к парадигме. Парадигма же, по его мнению, может быть обнаружена в результате «тщательного изучения поведения членов данного сообщества»²¹. Позиция Т. Куна отразила общую тенденцию в эволюции подходов к изучению науки 1960-х годов: от когнитивных к социальным.

Однако осознание естественноисторической неразделимости процессов формирования научного сообщества и складывания внутри него определенной парадигмы ориентировало ученых на поиск методологически и теоретически обоснованных единиц анализа науки, для которых была бы характерна инвариантность относительно не только различных методик эмпирического исследования, но и различных областей изучения науки. Проблема поиска оптимальной единицы анализа науки была обусловлена и новым ее видением: вопрос уже состоял не в том, какие единицы можно получить, исходя из метода (пример Т. Куна. – Т.П.), а в том, какой репертуар методов возможен для эмпирической фиксации и изучения некоторой теоретически выделенной структурной единицы²². Такой единицей для многих исследователей науки с 1970-х годов стала научная дисциплина, а социальная направленность исследований обусловила интерес к дисциплинарным сообществам.

В связи с этим и организация т.н. «переднего края» науки, для которой все более характерна междисциплинарная структура, проблемно-ориентированный тип исследований предполагает, как правило, включение в свой исходный принцип *дисциплинарную матрицу*. Это понятие, также введенное Т. Куном, применялось им как аналог парадигмы в том смысле, что дисциплинарная матрица является набором «предписаний», имеющим парадигмальный характер и объединяющим вследствие этого членов научного сообщества. Понятие «дисциплинарная», поясняет Т. Кун, обозначает обычную принадлежность ученых-исследователей к конкретной дисциплине. Понятие «матрица» включает в себя компоненты, суть которых – определенные группы «предписаний» парадигмального характера.

В *дисциплинарную матрицу* входят следующие группы компонентов²³.

1. *«Символические обобщения»* – формальный аппарат, служащий для выражения основных обобщений, принятых всеми членами конкретного научного сообщества («...мощь научной дисциплины, – считает Т. Кун, – ...должна...возрастать по мере того, как увеличивается число символических обобщений, посту-

²¹ Там же. С. 226–227.

²² См.: Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М., 1986. С. 215.

²³ Предложенная трактовка положений Т. Куна – специалиста в области естественнонаучного знания – отражает взгляд историка, попытку спроецировать эти общенаучные позиции в область исторического знания.

пающих в распоряжение ученых-исследователей»²⁴); законы и определения наиболее употребляемых терминов. По сути, это – категориальный аппарат науки, «язык науки», выраженный в символах – математических и понятийных, аксиоматические положения, облеченные в логическую форму. Научные революции влекут за собой отказ от обобщений, прежний смысл которых не соответствует новому пониманию сущности явлений, их обозначающих. «Показал ли Эйнштейн, – замечает Т. Кун, – что одновременность относительна, или он изменил само понятие одновременности?»²⁵. Коренной пересмотр категориального аппарата – условие обновления науки, перехода на новый качественный этап ее развития.

2. «*Метафизические парадигмы*» – общепризнанные предписания, «концептуальные модели», система методологических и философских принципов, используемых членами научного сообщества для обоснования различных эвристических приемов (по Т. Куну – «эвристические» и «онтологические» модели)²⁶. Возможно, эту позицию можно трактовать и как «...совокупность метафизических установок, задающих ту или иную онтологию универсума»²⁷, это – «картины мира», «стиль мышления», траектория которых неразрывна с траекторией исторической рефлексии.

3. *Ценности*, которыми руководствуются члены научного сообщества, включая некие стандарты, нормативы, образцы решения исследовательских задач, исходные точки отсчета в оценке теорий, самой науки, ее общественных функций; «общепринятые ценности» как «детерминанты поведения группы» с их аксиологическими и эстетическими основаниями. Несмотря на «индивидуальную модификацию» в применении общепринятых ценностей, в своей принципиальной основе они являются эталонными предписаниями для членов научного сообщества²⁸.

4. «*Образцы*» (парадигма в узком смысле слова) – конкретные решения научных проблем, признанные примеры. Т. Кун пишет о системах «образцов»: на уровне обучения («образцы» для студентов); на уровне послеуниверситетской самостоятельной научной работы («образцы» для ученых-исследователей). «Образцы» опираются на «символические обобщения» и едины в каких-то фундаментальных основаниях, но в рамках конкретных специальностей и специализаций они могут иметь свою и весьма значительную специфику²⁹.

3. По мнению Л.П. Репиной, академическая дисциплина как отрасль знаний характеризуется следующими «детерминантами»: а/ специфической совокупностью концепций и подходов; б/ собственной историей; в/ институтами/организационной структурой, изменяющейся с течением времени. Суммируя опыт евроатлантической литературы 1990-х гг., Л.П. Репина обозначает основные критерии *дисциплинарности*: 1/ предметное поле, 2/ методы работы, исследовательские процедуры, 3/ система референции, 4/ специфический способ мышления и язык описания, 5/ институциональная структура, 6/ сообщество практикующих ученых и их типы личности, 7/ особые формы дискурса, 8/ нормы и правила профессиональной деятельности³⁰.

²⁴ Кун Т. Структура научных революций. С. 235.

²⁵ Там же. С. 236.

²⁶ Там же. С. 237.

²⁷ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 331.

²⁸ Кун Т. Структура научных революций. С. 237–240.

²⁹ Там же. С. 240–241.

³⁰ См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. С. 31.

4. Немецкий социолог науки **Рудольф Штихвей**, определяя дисциплину как определенную форму социальной институционализации общего процесса дифференциации науки, выделяет пять аспектов, необходимых для идентификации «дисциплины»: 1/ достаточно гомогенная коммуникационная взаимосвязь исследователей; 2/ корпус научного знания, репрезентируемый в учебниках; 3/ множество актуальных вопросов; набор исследовательских методов и прагматических решений проблем; 4/ специфическая для дисциплины структура карьеры и институционализированный процесс социализации³¹.

5. **В.Л. Абушенко** и **Н.Л. Кацук** (Минская философская школа) в качестве инвариантных компонентов любой дисциплины рассматривают: 1) массив накопленного в ней знания; 2) существующее дисциплинарное сообщество; 3) предметно-проблемное поле поисков дисциплинарных результатов; 4) механизм социализации добытых «вкладов»; 5) институционализированные механизмы подготовки кадров; 6) этос дисциплины; 7) сложившуюся сеть цитирования, постоянно деконструируемую и вновь конструируемую через вписываемые новые «вклады»; 8) собственно дисциплинарную деятельность по воспроизводству, сохранению, наращиванию, переструктуриации дисциплинарной целостности, выступающую как коммуникация – «место» операций со знанием.

7. Для **М.Ф. Румянцевой** дисциплина – исторически сложившаяся область научного знания, имеющая собственный объект исследования. Анализируя проблему дисциплинаризации *источниковедения*, она выделяет «три возможных направления исследования»: анализ концепций признанных классиков источниковедения; рассмотрение источниковедения как дисциплины преподавания в высшей школе; анализ понятия источниковедение в рамках истории понятий³². Обозначенные линии исследования по существу должны выявить понимание содержательного поля дисциплины его репрезентантами; становление «учебно-го лика» дисциплины, ее институциональные структуры в сфере образования; формирование дисциплинарного наименования (самоназвания) и статуса дисциплины.

8. **С.П. Стельмах** (Киев), опираясь на опыт в первую очередь немецкой историографии 1980–1990-х гг., акцентирует внимание на процессах институционализации исторической науки, которая имеет две взаимосвязанные стороны: формирование организационных условий для выработки научной продукции и установление определенных норм и правил для функционирования самой науки. Исходной идеей автора выступает концепция «структурной истории исторической мысли» немецкого историка Х.В. Бланке, который, опираясь на теоретические положения Т. Куна и Й. Рюзена, предложил модель, предусматривающую комплексную взаимосвязь между *жизненным миром* ученого и *профессиональными нормами*, которые превращают историю в профессиональную дисциплину.

³¹ См.: Stichweh R. Wissenschaft, Universität, Professionen: soziologische Analysen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. S.17. См.: Москалев И.Е. Сети научных коммуникаций: междисциплинарный подход // *Философия науки*. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 197–198.

³² См.: Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. Дисциплинарность // *Новейший философский словарь*. Минск, 2003. URL: <http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost>

³³ См.: Румянцева М.Ф. Дисциплина исторической науки // *Теория и методология исторической науки*. Терминологический словарь. М., 2016. С. 93–94; Она же. Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности. С. 99.

плину. Таким образом, совмещаются важнейшие элементы развития исторической науки – институционализация и профессионализация дисциплины и интерпретация исследовательской практики – и создается теоретическая база для ее комплексного анализа³⁴.

Академическая институционализация и профессионализация исторической науки сопровождалась созданием ее инфраструктуры (научные общества, архивы, публикация исторических документов, профессиональная периодика, национальные и межнациональные объединения историков), которая расширяла коммуникативное профессиональное «поле историков». Международная кооперация и расширение научных контактов неминуемо приводили к универсализации науки, ее институций, критериев научности, языка, заимствования и внедрения в научную практику методологического инструментария и проч. Одновременно институционализация и профессионализация исторической науки в европейских странах зависела от социальных условий, уровня внутридисциплинарного развития, значения исторических знаний для задач политической легитимации и характеризовалась неравномерностью и хронологическим несовпадением, но начальную фазу этих процессов обычно определяют серединой XIX в. – 1920-м г.³⁵ Многие позиции предложенной концепции могут быть учтены при анализе дисциплинаризации историографии как субдисциплины, детерминированной во многом развитием своей родовой – исторической науки.

С последней трети XX в. обозначился четкий переход от изучения отдельных параметров развития научного знания к анализу их совокупности: «параметрический образ» науки был сформулирован в советском науковедении, «социокогнитивный подход» предложен британскими социологами науки. Одним из вариантов дисциплинаризации историографии может выступать модель, в основе которой теория институционализации Рачарда Уитли (Манчестерский университет)³⁶. Согласно этой теории институциональный процесс следует рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях. *Когнитивная институционализация* проявляется в формировании когнитивных параметров нового научного направления, отражая процесс установления взаимопонимания между учеными в отношении основных «сегментов» научного знания и способствуя тем самым их объединению на исследовательском уровне. *Социальная институционализация* показывает степень интегрированности «интеллектуального движения» в социальных структурах. Когнитивные и социальные аспекты институционализации взаимосвязаны, однако развитие конкретных социальных и когнитивных компонентов институционального процесса чаще всего неравномерно. «Фактор институционализации» (понятие, введенное Р. Уитли) – это, в конечном счете, показатель когерентности, «сцепления» когнитивных и социальных компонентов в единой социокогнитивной системе научного знания.

9. Содержание предлагаемой модели: в понятие *институционализация историографии* входит процесс формирования ее когнитивной системы и инфраструктуры в конкретном социокультурном контексте, что в своей совокупности приобретает завершенные формы на дисциплинарной стадии развития этой ветви исторических знаний. В процессе когнитивной институционализации

³⁴ См.: Стельмах С. Исторична наука в Україні епохи класичного історизму (XIX – початок XX століття): Монографія. Київ, 2005. С. 62.

³⁵ Там же. С. 61–63, 66–67, 340.

³⁶ См.: Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. С. 218–256.

складывается единство в понимании основных сегментов историографического знания, которые предстают как компоненты когнитивной системы историографии: определенность проблемного поля, корпуса источниковедческого знания, теоретико-методологического аппарата, концептуально-парадигмальных основ и т.п.

Стержневым параметром, влияющим на «степень когерентности» на уровне когнитивной институционализации историографии, будет выступать «структурированность значений терминов», принятых в сообществе историографов. Социальная институционализация в большей степени проявляет себя на уровне инфраструктуры (системы обеспечения функционирования когнитивной системы), в которой организация историографической науки предстает как в «физически-материализованных» формах (научное сообщество специалистов-историографов, система историографических структур в академических и образовательных центрах, система профессиональной подготовки; коммуникационная система; система издательской деятельности; корпус материальных носителей информации и система их хранения и проч.), так и в «идеальных» – формирование канонов и нормативов, определяющих исследовательскую практику историографов, характер и формы их коммуникации и др.³⁷

Стержневым параметром, влияющим на «степень когерентности» на уровне социальной институционализации (впрочем, и всей системы в целом) выступает «субъект науки», репрезентирующий историографическую научную область, – дисциплинарное сообщество историографов, объединенных конвенциональным пониманием своей профессиональной деятельности и этосом дисциплины. Социокультурный контекст предполагает рассмотрение научной дисциплины как социокогнитивной системы в качестве неотъемлемой составляющей единого социокультурного организма.

Дисциплинарная стадия научного знания – *научная дисциплина* – выступает в качестве таксона (аналитической единицы анализа), а также формы/уровня институционального процесса в целом. Представляя собой системное образование, научная дисциплина историография имеет отнюдь нелинейное развитие, переживая различные фазы и модификации, что связано не только со спецификой имманентного развития нового исследовательского направления, но и во многом зависит от различных социокультурных факторов, механизмов интериоризации и проч. «Фактор институционализации» при этом будет отражать «степень когерентности» – сцепления, взаимосвязи дисциплинарных компонентов – и выступать своеобразным системообразующим принципом.

Наряду с генезисом историографических знаний, процессом институционализации и дисциплинаризации историографии ее дисциплинарный временной режим бытия (со всеми трансформациями) должен быть предметом специального исследования. *Дисциплинарная история* предполагает анализ процесса дисциплинаризации – формирования «составляющих» научной дисциплины и их трансформацию в единый социокогнитивный комплекс, последующее дисциплинарное развитие с учетом специфики «фактора институционализации». Одновременно анализ фактора институционализации, отражающий снижение степени когерентности в современных условиях деформации дисциплинарного статуса историографии, приобретает первостепенное значение.

³⁷ Компоненты когнитивной системы и инфраструктуры могут быть уточнены и значительно расширены.

10. Вторая предлагаемая модель, в основе которой «параметрический образ» науки, взаимосвязана с первой, но имеет более прикладной характер. Согласно этой модели научная дисциплина историография – социокогнитивная система, вписанная в определенный социокультурный контекст и характеризующаяся следующими параметрами: 1) оформлением научного сообщества специалистов в данной области знаний, идентифицирующих себя со своей дисциплиной; 2) складыванием в научном сообществе: – конвенциональных основ в понимании содержания своей научной специализированной деятельности и общепризнанных канонов научных исследований (парадигмы), – дисциплинарно-научных идеалов и норм; 3) формированием «объема» дисциплинарного знания, имеющего подвижные контуры в связи с перманентным пересмотром т.н. «объективно-истинного» знания, откладываемого в «дисциплинарную копилку»; 4) появлением рефлексивного уровня дисциплинарного знания – истории и теории историографии, дисциплинарной истории самой научной дисциплины; 5) обретением т.н. «гражданского статуса»: – утверждением («имени») данной научной дисциплины, – ее признанием как относительно автономного профессионального образования членами научного сообщества, культурными и политико-идеологическими структурами конкретного социума, устанавливающими собственные отношения с дисциплиной историографией; 6) формированием системы специализированных научных учреждений со своей идеологией и этосом; 7) возникновением системы профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» данной научной дисциплины, создаются нормативные компендиумы, осуществляется передача традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов-профессионалов; 8) складыванием специализированной информационной системы (библиотечные каталоги, информационные издания, для современного периода – тематические сайты в Интернете и др.); 9) созданием коммуникационной системы – форм научного общения: конференций и проч.; специализированных изданий, в том числе – научной периодики и др.); 10) способностью научного сообщества историографов вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса.

Возникновение и развитие научной дисциплины – процесс нелинейный и многофакторный и рассматривать его в проекции, которая задается одной системой координат – заведомо обречь себя на искаженную картину этого процесса. Любая модель – самодостаточна в своей ограниченности, и предложенные выше можно рассматривать в качестве рабочего инструментария для пунктирного описания дисциплинаризации истории истории.

Экскурс второй. Об особенностях дисциплинарного процесса в восточноевропейском научном поле

Дисциплинарная структура науки, «вписанная» в общий контекст культурного развития определенного социума и обусловленная спецификой институционального процесса, всегда имеет конкретно-временную и регионально-национальную окраску. Специфика структуры восточноевропейской исторической науки по сравнению с евроатлантической научно-дисциплинарной традицией проявилась в дисциплинаризации таких рефлексивных областей исторического знания, как историография и источниковедение. Несмотря на первые подходы к осознанию этого феномена³⁸, его объяснение еще впереди, однако «...не

³⁸ См.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 187; Медушевская О.М. Теория и методология

считаться с ним в современную эпоху нельзя, как и невозможно отказаться от этого научного национального опыта»³⁹.

Каждая научная дисциплина как сложная система обладает специальными механизмами самоорганизации и складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера, в результате чего процесс дисциплинаризации приобретает собственный «персональный маршрут» (П. Бурдьё).

Однако появление во второй половине XIX в. в исторической науке новых, по терминологии современников – *вспомогательных*, дисциплин имело некоторые общие черты: 1/ *когнитивный аспект* этого явления заключался в том, что к рубежу XIX–XX вв. процесс институционализации исторической науки привел к ее дисциплинарному оформлению, важнейшим показателем которого явилось складывание рефлексивного поля исторического знания в форме относительно автономных областей – истории истории, источниковедения, методологии истории; 2/ *инфраструктурно-дидактический аспект* нашел свое отражение в том, что дисциплинаризация новых областей исторического знания происходила в формировании единства двух ликов дисциплины – дидактического (учебного) и исследовательского (собственно научного): «университетская наука» XIX в., для которой было характерно то, что «научный лик» выступал в качестве эпифеномена преподавательской деятельности университетской профессуры, строилась по дисциплинарному принципу; 3/ *региональный аспект* связан со спецификой российской университетской системы, в которую входили университеты в Украине, по сравнению с западной, с ее более регламентированным подходом к дисциплинарной системе обучения, с единой практикой университетской жизни в Российской империи, общими нормативами; в начале XX в. сложился университетский канон подготовки историков: курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, вспомогательным историческим дисциплинам и проч. вошли в повседневную практику «отечественников», «всеобщников» и представителей других разделов науки; исследовательская ипостась рефлексивных дисциплин одновременно получила новый импульс⁴⁰.

Нельзя оставить без внимания и следующие моменты. *Во-первых*, восприятие историками XIX в. синтеза источниковедческо-историографических компонентов в историческом исследовании⁴¹ отражало общую тенденцию начальных этапов формирования рефлексивного поля исторического знания – относительную нерасчлененность его составляющих (в едином процессе дифференциации научного знания в классическую эпоху). Лекционные курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, неразрывно связанные с исследова-

когнитивной истории. М., 2008. С. 169–170; Румянцева М.Ф. Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности. (2014). С. 97–107.

³⁹ Алеврас Н.Н. История историографии, интеллектуальная история и историческая когнитивистика: к вопросу о взаимодействии, общности интересов и природе «историографического источника» // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012. С. 114.

⁴⁰ См.: Попова Т.Н. К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2010. Вып. 12. С. 174–187; Кисельова Ю.А. Становления та розвитку історіографії в імператорському Харківському університеті. Х., 2014.

⁴¹ Не исключая библиографию (подчас зарождающееся историографическое направление в исторической науке называли «библиографическим направлением») и методологию.

тельской работой университетской профессуры, имели подвижные контуры, включая подчас одни и те же содержательные блоки. «Процесс вычленения» рефлексивных ветвей «из недр» исторического знания, «разделение функций» историографии, источниковедения, методологии истории, исторической библиографии – «определенная ступень» в их развитии, приведшая в итоге к формированию самостоятельных научных дисциплин «в полной мере – только в специфическом советском контексте»⁴². Во-вторых, «стимулирование» историографических и источниковедческих курсов в российском университетском ареале было связано с отсутствием отечественных учебников практически до конца XIX в. Профессиональный канон – начинать лекционный курс с характеристики источников и литературы по предмету – привел к выделению этих преамбул сначала в пропедевтические курсы: «Введение в изучение...», «Обзоры...», «Ознакомление...», а затем в специальные, которые в своей основе и стали первыми дидактическими-исследовательскими изданиями по рефлексивным дисциплинам (работы К.Н. Бестужева-Рюмина, П.Н. Милокова, В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского и др.). В-третьих, авторами университетских курсов по рефлексивным дисциплинам обычно были одни и те же преподаватели. Например, В.Э. Крусман в Новороссийском университете читал: «Систематическое источниковедение по новой истории», «Общий очерк вспомогательных наук истории (Курс методологический)», «Главнейшие направления историко-философской мысли в новое время», «Общая теория истории (Курс методологический)» «Вспомогательные науки истории», «Историография нового времени», «Методология истории» и др. Обращение к историографии, источниковедению, методологии истории в учебной работе являлось выражением научно-педагогической деятельности того круга ученых-историков, для которых в большей степени был характерен научно-критический склад ума, высокий уровень личностной рефлексии, ориентация на новые направления исторических исследований, обусловленная как индивидуальными чертами творческого облика, так и влиянием учителей, научных школ и проч. Вместе с тем никто из первых «историографов» не идентифицировал себя с историографической областью исторических знаний. В-четвертых, в качестве одного из факторов историографизации⁴³ учебного процесса можно выделить формирование новых подходов к пониманию задач университетского образования: новые ориентиры связывались не с простой «передачей» определенной суммы знаний, но с приобщением студента к самостоятельному научному мышлению, научной культуре. Эта задача могла быть решена, по мнению передовой профессуры, благодаря принципиальному изменению методики чтения лекций: вместо традиционного «повествования» преподаватели переходили к «научно-критическому» изложению «отдель-

⁴² Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. С. 207; Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв.ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с. URL: http://www.hse.ru/pubs/share/direct/demo_document/148655046

⁴³ В данном случае учитывается тот факт, что в лекционных курсах по источниковедению и методологии истории важнейшим компонентом были зарождающиеся история источниковедения и история методологии: эволюция источниковедческих приемов и развитие методов исторического исследования рассматривались лекторами в историографическом ключе.

ной части предмета»⁴⁴. Одновременно своеобразным «противовесом» увлечению фактографическим материалом рассматривались науки, имеющие «общий характер» и стоящие в непосредственной связи с историей – «методология истории, историография, социология и ряд других вспомогательных исторических дисциплин», развитие которых характеризовало «культурную работу конца XIX – начала XX в.»⁴⁵.

Ремарка. Уместно в этом контексте вспомнить точное наблюдение О.М. Медушевской: источниковедение возникало в качестве альтернативы событийной истории, в границах перехода «от событийной последовательности к выявлению механизмов функционирования целого», рождая при этом новый жанр исследований – «видовое источниковедение» (записки иностранцев, жития святых, писцовые книги, посольские книги и проч.) – в противовес «событийному подходу»⁴⁶. В процессах дисциплинаризации источниковедения и историографии в российской науке много общего; «объединительным фактом» может быть и факт «ухода» в источниковедческо-историографическую проблематику многих советских ученых, составлявших так называемую «невяную оппозицию» официозу.

В-пятых, институционализация русской истории как научной дисциплины на протяжении XVIII – середины XIX вв. опережала процесс институционализации в остальных истории. Темпы дисциплинаризации двух ведущих ветвей исторической науки – отечественной истории и всеобщей были неравнозначны: идея всеобщей истории в России по сравнению с отечественной – «довольно позднее приобретение»⁴⁷. В российской науке рефлексивное поле *отечественной истории* как дисциплины получило более четкую конфигурацию; среди причин – потребности в систематизации *собственного* источниковедческого массива, в создании *собственных* процедурных средств⁴⁸ и проч. Одновременно *историография* как *история истории* стала необходимым «приемом» в осмыслении эволюции исследовательских методов и накопленного предшествующими поколениями ученых опыта⁴⁹.

⁴⁴ См.: Отчет о состоянии Императорского Новороссийского университета за 1902 год. Одесса, 1903. С. 2.

⁴⁵ См.: Лапко И.И. Современное состояние науки русской истории и задачи ее университетского преподавания // Ученые записки Юрьевского университета. 1906. № 1. Отд. 2. С. 11–12.

⁴⁶ См.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 218, 242.

⁴⁷ Репина Л.П. Пространственные перспективы всеобщей истории // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 202.

⁴⁸ См.: Ключевский В.О. Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1 // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. М., 1989. С.7. См. об этом подробнее: Попова Т.Н. Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы. С. 485–486; Она же. Из истории Новороссийского университета: памяти А.Г. Брикнера // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2016. Вып. 18. С. 70–87; Она же. У истоков дисциплинарных традиций: А.Г. Брикнер // Стародавние Причерномор'я. Выпуск XI. Одесса: ОНУ, 2016. С. 242–249 и др.

⁴⁹ Разумеется, это лишь пунктирно обозначенные линии осмысления фрагментарно-ограниченной информации; думаю, что следует обратить внимание и на определенную изолированность отечественников от европейской/мировой науки на протяжении XIX в., и на быстрый «подъем» всеобщников, значительную роль в котором сыграли заграничные стажировки, научные командировки и проч., и на появление «объединяющих факторов» – научной печати (ЖМНП, Историческое обозрение и т.п.), Археологических съездов, участия в Международных конгрессах и проч., и на специфику советской науки с ее идеологемой методологического противостояния «буржуазной науке» и т.п.

Поиски нового облика историографии в современной украинской и российской науке неоднозначны и одновременно имеют многие сходные черты.

1. **С.И. Посохов**⁵⁰ (Харьков), повторяя известный (как он подчеркивает) тезис о том, что историография – «специальная историческая дисциплина», изучающая «историю развития исторических знаний, исторической мысли, исторической науки», обращает внимание на практику современных историографических исследований, для которой характерно многообразие подходов к определению объекта (- в диапазоне от исторического сознания до «профессиональной науки») и предмета (: историографический процесс, историческая наука как социальный институт, историческая память и проч.) историографии. Неоднозначен статус историографии: науковедческая дисциплина; часть интеллектуальной истории; «область/отрасль», «этап и элемент» научного познания прошлого; полярности «сциентизации» и «культуризации» – ведущая тема современных дискуссий об историографии.

Столь обширный репертуар взглядов свидетельствует о продолжающемся процессе институционализации историографии, в котором детерминирующим фактором теоретических поисков выступают аналогичные поиски в области самой исторической науки. «Не случайно, в этой связи, – подчеркивает автор, – видится и появление такой дисциплины как «история историографии»». Спектр историографических исследований – столь широкий и разнообразный – исключает претензии на энциклопедизм, мультипарадигмальность становится нормой, принцип относительности – определяющим. В этих условиях сражаться за «крепость дисциплинарных границ» и «дисциплинарную чистоту» смысла не имеет, выход – в создании «союзов», «инициации новых форм», в определении «иных горизонтов».

Призывая отказаться от прежних «маяков» в виде устаревших схем и традиций, С.И. Посохов предлагает идею *«многоликой историографии»*. Суть ее в том, что образы историографии – *«наукоевдческий»*, *«литературоевдческий»*, *«культурологический»*, – опосредованные собственной стратегией исследования при анализе историографических фактов и историографического процесса в целом, набором собственных принципов, методов и категорий (ограниченных конкретным «радиусом действия», не исключая возможности «обобщений»), выступают в качестве равноправных «ипостасей» историографии. Этот подход, имеющий двухаспектный радиус действия – научно-исследовательский и дидактический, – позволяет, с одной стороны, обозначить общие черты и отличия исторической науки от других наук (историография – наукоевдческая дисциплина), с другой – увидеть в работе историка творческий процесс (историография как литературоевдческая дисциплина), с третьей – осознать связь исторической науки и исторического сознания (историография как культурологическая дисциплина) и, наконец, формирует «историографическую культуру» – как способ осмысления процесса познания прошлого и основ собственной познавательной деятельности.

2. **А.В. Ясь** (Киев) считает, что проблемное поле дисциплины историографии включает как само историческое знание об истории, так и историографиче-

⁵⁰ См.: Посохов С.И. Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. С. 243–245; Он же. Основы историографії. URL: <http://history.karazin.ua/themes/history/resources/2-f3a388df7b5a90f78d805079818d228.pdf>

ское знание об историческом знании. По типологической характеристике историография разделяется на проблемно-тематическую, биоисториографию (персоналогическую), институционально-организационную (учреждения, печать и проч.), предметную или институционально-структурную по формальным (дисциплинарно-отраслевой структура) и неформальным (направления, школы, течения, кружки и т.д.) признаками, региональную (областную, краеведческую), культурологию историографии, историю историографии (историю истории исторической науки) и проч. С историографией тесно связано изучение теории (историологии), методологии, методики и техники исторических исследований. Терминологический аппарат современной историографии включает: 1) традиционную терминологию (историографический источник, факт, процесс, ситуация, поле, мифы, стереотипы, направления, школа, течение и др.); 2) на протяжении 1980–1990-х гг. аппарат пополнился модернистскими (стиль мышления, тип историка, образ науки, идеал научности, парадигма, институционализация и др.) и постмодернистскими (дискурс, деконструкция, нарратология и др.) дефинициями. Одновременно автор отмечает, что новая терминология частично заимствована, частично адаптирована к потребностям историографии. В литературе высказываются существенные предостережения в отношении формирования традиционной части терминологии: обращается внимание на отсутствие субординации и размывания с общеисторическими понятиями, на дублирование в функциональном и содержательном смысле известных науковедческих дефиниций, на отсутствие адаптационных процедур для многих заимствованных понятий и проч.⁵¹

3. По мнению Н. Яковенко (Киев) историография – научная дисциплина, изучающая состояние исторической науки и историю исторического знания. Предмет историографии включает четыре основных направления, каждое из которых акцентирует внимание на определенном круге проблем: 1) *история историографии* исследует «круг интересов» ученого либо группы ученых – школы, течения, направления, иногда приобретает признаки биографистики; 2) *история науки* – акцент на институциональных моментах науки, изучение академического мира как профессиональной и социальной среды; 3) *история идей* – акцент на сопоставлении историографического произведения с определенными идеями или идеологиями, распространенными в тот период, или инспирированными самой историографией; 4) *методология истории* – акцент на использование определенными учеными/школами/течениями методов исследования и принципов объяснения и описание прошлого; при этом методологию автор сводит к прикладной работе историка⁵².

4. Исходный тезис В.П. Корзун (Омск) об особой роли дореволюционной науки в создании историографических традиций, на которые в значительной мере опираются современные ученые в поисках нового образа историографии. В эпоху «порубежья» (XIX/XX вв.) был намечен «грандиозный науковедческий проект», включивший в себя основополагающие идеи: 1/ содержание предмета эволюционировало от истории исторической мысли к истории исторической науки; 2/ история исторической науки рассматривалась как часть истории культуры и включалась в класс науковедения; 3/ признание социальной обусловленности исторических концепций и понимание разных уровней социальности; 4/ усиление тенденции к преодолению позитивистского образа науки, интерес к

⁵¹ См.: Ясь О.В. Историография, як термін, поняття та дисципліна. С. 588.

⁵² См.: Яковенко Н. Вступ до історії. Київ: Критика, 2007. С. 31–32.

дискретным моментам ее развития; 5/ акцент на личностное знание, окрашенное ценностями эпохи и «профессиональной корпоративной культуры»; 6/ складывание исследовательской модели историографии на стыке различных дисциплин с использованием их методов и методик⁵³.

В советской науке в 1960–1970-е гг. обозначились два подхода (при наличии «переходных точек зрения») к пониманию предмета: 1/ историография – история исторической мысли в широком смысле слова, включая непрофессиональные знания (Б.Г. Могильницкий); 2/ историография – история исторической науки, ядром анализа которой выступала концепция (А.М. Сахаров). Развитие первого подхода нашло свое выражение в проявлении интереса к историческому сознанию, взаимосвязям профессиональной историографии и официозу в науке, к профессиональному сообществу историков, к социокультурному контексту, к проблеме трансляции исторического знания; в итоге произошло расширение предметного поля историографии, что вписывалось в антропологический поворот 1970–1980-х гг. Развитие второго подхода под влиянием науковедения и социологии науки привело к появлению новых исследовательских полей: институциональная организация исторической науки, научные сообщества, интеллектуальные сети, поиск закономерностей в развитии историографии в междисциплинарном поле. Общее для обоих подходов: интерес к творческой лаборатории историка, к процессу создания исторического знания, способам его получения, к социокультурному фону. В итоге возникла ситуация опережения историографической практикой историографической теории, остро встала проблема переосмысления официального образа историографии – т.н. «социального историографического проекта» с его гипертрофированным классовым подходом и борьбой с «буржуазной фальсификацией».

Наиболее удачным ответом на вызовы новой историографической ситуации В.П. Корзун считает учебное пособие «История исторического знания»⁵⁴, в котором преодолено противопоставление двух вариантов историографии, сложившихся в советскую эпоху (история мысли vs история науки). Новый образ историографии в качестве «своеобразного маркера идеологии профессионализма» представляет собой «синтезирующую дисциплину», ориентированную на «проникновение в сложный процесс историознания», со «стереоскопической направленностью» на творчество историка и его тексты в единстве социокультурного ландшафта и пересечения различных коммуникативных полей.

Одновременно В.П. Корзун обращает внимание на то, что «в рамках учебной дисциплины возникает угроза утраты её предмета», ссылаясь на предостерегающие голоса ученых о возможном исчезновении собственного «интеллектуального поля» дисциплины историографии в связи с ее новым статусом – частью интеллектуальной истории.

5. Н.Н. Алеврас (Челябинск), поставив проблему трансформации традиции, провела линии преемственности в развитии предмета историографии от

⁵³ Корзун В.П. Современное представление о предмете историографии // Корзун В.П., М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова, Ю.П. Денисов. Несколько лекций по методике историографического анализа: учебное пособие. Омск, 2010. С. 11–30; Она же. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург, 2000. С. 16.

⁵⁴ См.: Репина Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Пармонова. М.: Дрофа, 2004. 288 с.

советской науки в наше время⁵⁵. По ее схеме в предыдущий период сложились три основных идеи/образа историографии: 1) история исторической мысли (1955); 2) история исторической науки (1960–1980-е гг.: Н.Л. Рубинштейн, Л.В. Черепнин, М.В. Нечкина, А.М. Сахаров); этот подход оказался «наиболее долговременным», сохранив во многом свои позиции в современной историографии; 3) история исторического знания (1960–1970-е гг.: Л.В. Черепнин, А.Л. Шапиро, С.Л. Шмидт и др.) – эта линия не получила широкого распространения в советское время.

Анализируя современную литературу, Н.Н. Алеврас выделяет четыре тенденции в подходах к пониманию предмета историографии: 1/ *традиционную*, которая, формально дистанцируясь от «марксистских» догматов, ориентирована на формулу *история исторической науки* и сохраняет в значительной мере позиции, сформулированные в 1960–1980-е гг.; эта линия, перешедшая из дореволюционной, а затем советской науки, требует, по мнению автора, «корректировки»; 2/ *социокультурную* – «наиболее представительную» в современной историографии. критически настроенную в отношении наследия советской эпохи, которая продолжает линию дореволюционной науки, сохраняя верность взгляду на историографию как историю исторической науки; процесс развития науки рассматривается в контексте всего многообразия взаимовлияний, которые складываются между научным сообществом и социокультурной средой; 3/ *контекстуальную* – связанную с возрождением идеи об историографии как истории исторического знания (вобравшую в себя историю исторической мысли) и акцентирующую внимание на актуальность изучения исторического знания в глубоком социокультурном контексте; предметное поле историографии существенно расширяется за счет «втягивания» в свои границы безбрежного опыта исторической жизни; эта позиция, по мнению Н.Н. Алеврас, вызывает «настороженное отношение» своей «безбрежностью» и требует нового структурирования предметного поля, корректировки целевых установок и существенного обновления содержания и методов историографии как учебной дисциплины; 4/ *трансформационную* – выражающую наиболее радикальную идею необходимости расставания с прежним методологическим опытом отечественной историографии – и советским, и дореволюционным, демонстрирующую отказ от опоры на понятие «история исторической науки» и акцентирующую внимание на явлении/понятии «историческая память».

Размышляя о проблеме «расширения» предмета, Н.Н. Алеврас предлагает рассматривать предметное поле историографии как «системное явление» с ядром – профессиональной исторической культурой, вписанной в контекстные «круги» многообразных процессов жизни социума. Поскольку задачи современной историографии определяются ракурсом, который можно обозначить как «жизнь в науке», постольку в этом плане «контекстуальный» характер имеет конструкт *историографический быт* – «экзистенциальное пространство творческой деятельности и коммуникативных практик сообщества ученых-историков», целостный «организм» историографической культуры. в основе которого – процессы самоидентификации ученого и самоорганизации научной жизни сообщества историков, находящиеся в тесной связи с социокультурной средой. Следуя этой логике, Н.Н. Алеврас задает вопрос, на который сама же отвечает: не поглощает ли понятие историографический быт то, что называется сегодня историографией, или ответ на этот вопрос был бы «слишком экстремистским»?..

Наука тем и хороша,
что в ней никому не дано
сказать последнее слово

И. Д. Ковальченко

1. Об имени. В современном исследовательском пространстве мирно сосуществуют две разновидности дисциплинарного имени: историография, отражая давнюю отечественную традицию, и *история историографии* – феномен преимущественно западной традиции⁵⁶. Сохранение первого имени демонстрируют в первую очередь «отечественники», хотя многочисленные публикации (монографический, статейный, дидактический материал и проч.) подчас свидетельствуют о «блуждании» обоих наименований в текстах авторов – представителей не только разных научных традиций в области истории, но и различных дисциплинарных сфер. Показателем «стойкости» традиционной формы наименования – *историография* – являются (помимо многочисленных энциклопедических статей) два последних издания Терминологического словаря по теории и методологии исторической науки (2014, 2016), в которых не только нет статьи по *истории историографии*, но и в статье *интеллектуальная история* перечисляются в качестве ее составляющих – история знания, история науки и дисциплинарная история; наименование *история историография* – отсутствует⁵⁷. Одновременно многие историографы-«отечественники» констатируют наличие *истории историографии* как направления (и даже дисциплины) собственно историографических исследований – истории *истории истории*, получившего свое развитие в украинском и российском научном поле⁵⁸.

Формула *история исторической науки*, имеющая до сих пор широкое распространение, может сохранять свое значение в качестве содержательного

⁵⁵ См.: Алеврас Н.Н. И снова про...предмет историографии (трансформация предметного пространства и категория «историографический быт») // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2008. С. 238–240; Она же. Предмет историографии: версии современной науки // *Imagines Mundy*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 171–190.

⁵⁶ См. подробнее: Попова Т.Н. Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 198–215.

⁵⁷ См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 161–164, 135–137; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С. 153, 130–131.

⁵⁸ См.: Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровськ, 1993; Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000; Трибунский П.А. П.Н.Милоков как историк русской исторической мысли: Автореф. дисс. ... канд. ист. М., 2001; Посохов С. Історіографія // Історіографічний словник. Х., 2004. С. 97–101; Ясь О.В. Історіографія, як термін, поняття та дисципліна // Енциклопедія історії України: Т. 3. К., 2005. С. 584–591; Попова Т.Н. Історіографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007; Кісельова Ю.А. Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Х., 2014 и др. В современной научной ситуации разработка этого направления представляется особенно значимой.

стержня дисциплины историографии, поскольку наука – системное явление, включающее когнитивные и социокультурные сегменты целого. *Институциональный процесс исторического знания* (в неразрывности когнитивных и социальных аспектов институционализации) – понятие широкое, в котором научное знание представляет собой «институциональную единицу» – вид и уровень организации исторического знания. В темпорально-пространственном измерении существует множество форм когнитивной институционализации с разными уровнями социальной интегрированности – «институциональными единицами», научная дисциплина как сложившаяся социокогнитивная система – одна из них. Изучение научного исторического знания, бесспорно, не будет оптимальным без исследования иных форм и уровней исторического познания (по вертикали и горизонтали), их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополняемости в культурном пространстве конкретных историографических ситуаций, однако закономерное расширение предмета дисциплины историографии – от истории идей к истории исторической культуры – с неизбежным появлением нового теоретико-методологического инструментария не должно тем не менее нивелировать приоритетную значимость исследования *научно-рациональной формы репрезентации истории* – историю научной культуры познания прошлого (разумеется, с учетом современных подходов к концепту «рациональность»).

2. Об образах и ликах. Идеи многоликости и «многообразности» историографии (Л.П. Репина, С.И. Посохов), исходя из полисемантической «имени», сложной структурированности объекта и стремительного расширения предмета, заслуживают особого внимания. В этом плане «разрушения» дисциплины не происходит: центростремительные силы, сохраняя свое и привлекая на своем пути чужое, создают иной дисциплинарный мир, радикально обновляя старую дисциплину, глобально раздвигая ее дисциплинарные границы: академическая «дисциплина приобретает новый облик», находясь «на подъеме» – это справедливо в отношении обеих версий *истории истории*. Данное понимание дисциплины соответствует принципам «многомерной методологии»: полифундаментальности, дополнительности и плюрализма. С позиций полифундаменталистского видения объекта речь идет о том, что каждая теория описывает именно целое (отдельную «ипостась»), а не его часть; но поскольку любая теоретическая система вырабатывает собственную модель целого, которая не в состоянии исчерпать всех существенных характеристик объекта, постольку ни одна из альтернативных теорий не может претендовать на конечный результат – истину. С позиций принципа дополнительности эти альтернативные теории/модели следует рассматривать не в контексте конфронтационности, но как самодостаточные и взаимодополняющие – в контексте единства («сложная ипостась») – для целостного восприятия многосущностного объекта исследования; при таком типе моделирования в сами модели входят, казалось бы, взаимно несовместимые, «дополнительные образы» изучаемого явления⁶⁰. Историографию сегодня дей-

⁵⁹ См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. С. 401, 388.

⁶⁰ См.: Алтухов В.Л. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 88–100. Нельзя сказать (вопреки воодушевлению начала 90-х), что полифундаменталистское мышление стало всеобщим – его утверждение имеет скорее «точечный» характер (по закону индивидуальной восприимчивости) и плотно окутано шлейфом декларативности.

ствительно можно воспринимать как «сложно-ипостасное» явление, изучение которого требует сочетания взаимодополняющих моделей-образов⁶¹.

3. О дисциплинарности и дисциплинаризации. Слова *дисциплинарность* и *дисциплина* часто употребляют как синонимы, хотя в строгом смысле слова – это несинонимичные понятия. Категория *дисциплинарности* – шире, ее содержание изменяется с учетом временного ракурса, с позиций конкретных философских школ и направлений, а также имеет свою трактовку в различных сферах знания (в том числе – естественнонаучного).

Среди новых идей – соотнесение *дисциплинарности/междисциплинарности* с «особой техникой мышления» (– онтологического явления), с присущей ей структурированностью (по аналогии с научной дисциплиной), функциональностью и источниками, среди которых – социокультурная реальность, наука как система дисциплин и личность ученого⁶². Подобный «всеобъемлющий» подход правомерно делает акцент на интеллектуальную оппозицию «монодисциплинарность/междисциплинарность» как специфических «техник мышления», но отнюдь не исключает обязательного наличия «дисциплинирующих механизмов», «предписаний», «нормативов» в существовании обеих мыслительных форм. Дисциплинарное сообщество – не однородный монолит, его представители обладают разными типами мышления, и их наличие – обязательное условие функционирования и развития дисциплины с ее парадигмальностью и креативностью.

Дисциплинаризация – процесс формирования научной дисциплины, исследование которого должно опираться как на базовую теоретическую модель научной дисциплины (по выбору – в зависимости от целей и «пристрастий» автора), так и на анализ конкретной фактографии дисциплинарного процесса с учетом его «региональных ликов». Важнейшая составляющая исследовательского поиска – изучение восприятия современниками (профессиональными историками, стоящими у истоков институционализации историографии) этой новой области знания.

Дисциплинаризация отдельных областей знания имеет свою специфику, но обращение к дисциплинарной генеалогии возможно с позиций разнообразных моделей. Вместе с тем принцип плюрализма (с идеями толерантности/«мирного сосуществования») не исключает, как заметил Г. Иггерс, «критической проверки на предмет соответствия таким принятым в научном сообществе стандартам, как опора на эмпирику и логическая связность»⁶³.

Ремарка-итрих. Тезис о расдисциплинации науки еще вчера считался аксиоматичным. Сегодня наметилась новая тенденция – обращение к истории дисциплинарности, анализ специфики дисциплинаризации отдельных областей знания, в частности – социогуманитарного⁶⁴. Л.П. Репина еще в 2011 г. писала:

⁶¹ С позиций «нового типа методологического сознания», в основе которого идеи «конструктивного альтернативизма», изучение историографии в разных «ипостасях» можно осуществлять «в соответствии с познавательным контекстом». См. подробнее: Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012. С. 12–13.

⁶² См.: Колесник И.П. «Междисциплинарність» як концепт // Харківський історіографічний збірник. Х., 2008. Вип. 9. С. 23–34.

⁶³ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. С. 38.

⁶⁴ См.: Дмитриев А. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 7–38.

«...новые явления в историографии последнего десятилетия показывают, что пришло время «собирать камни» – дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению...»⁶⁵.

4. О предмете и статусе. В решении проблемы дисциплинарного бытия историографии наметились две тенденции. Ведущая тенденция нацелена на перспективу дисциплинарной самостоятельности историографии, отражая стремление ученых к укреплению ее дисциплинарного статуса за счет переструктурирования предметного поля и расширения исследовательского инструментария на пути междисциплинарного синтеза. Созвучны этой тенденции и взгляды тех западных ученых, которые определяют *историю историографии* как «область истории», «направление» или «ветвь актуальных исторических исследований», не фиксируя ее самостоятельный дисциплинарный статус; ориентиры в ее развитии в качестве *исторической саморефлексии* связываются с принципиальным обновлением ее содержательного поля и повышением ее статуса в «историографической вселенной». Вторая тенденция – линия на раздисциплинирование историографии, передачу ее функций иным областям, дифференциацию ее дисциплинарного поля и т.п. имеет в большей мере дискуссионный или декларативный характер.

Ведущая линия в осмыслении *истории историографии* – ее восприятие не только как интегративного сегмента исторического знания, но и как стержня истории исторической культуры и исторического сознания. Однако спецификой современной ситуации является факт разновекторной стратегии истории истории – ученые связывают будущее дисциплины с определенным тематическим полем: компаративистски ориентированной глобальной историей (Г. Иггерс), интеллектуальной историей в широком культурном контексте (Л.П. Репина), историографическим бытом (Н.Н. Алеврас). В этом «разновекторном движении» стоит обратить внимание на мысль о том, что предметное поле историографии следует воспринимать как органическое «многослойное целое», в качестве «ядра» которого – «профессиональная историческая культура», вписанная в контекстные «круги» разнообразных процессов жизни социума (Н.Н. Алеврас).

5. О дидактике. Тезис о многовариантности предметного определения историографии на исследовательском уровне принимается сегодня как аксиома, однако на дидактическом уровне возникают сложности с построением курса по историографии в вузах, на это обращают внимание практически все университетские ученые. Выход из этой ситуации, конечно, лежит в первую очередь в сфере индивидуального творчества. Как вариант можно структурировать курс, исходя из идеи «образов» историографии (С.И. Посохов). Использование номенклатуры общих и специальных курсов в рамках министерских учебных планов дает возможность выстраивать систему взаимосвязанных курсов лекций, подчиненных конкретным задачам, при этом *проблемная историография* должна «уходить» из общего курса историографии в общие и специальные курсы по историческим дисциплинам. Вокруг общего курса по историографии, в котором акцент может быть сделан на периодизацию развития исторических знаний в их различных репрезентациях в социокультурном контексте каждого из периодов (с выделением специфики историографических периодов с их «прорывами» и «упадком», «разрывами» и «преемственностью»), «непредусказуемыми коммуникативными сбросами» /В.П. Корзун/ и проч.), группируются спецкурсы и

⁶⁵ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. С. 550.

спецсеминары, тематика которых дополняет общий курс, расширяя проблематику (выбор во многом зависит от личного творчества) и фактографию единого историографического поля/программы. Курсы целесообразно: 1/ выстраивать по «восходящей» линии – от пропедевтики (включая: «Введение в специальность и специализацию», «Основы научных исследований» и т.п.) до магистратуры, постепенно усложняя теоретические аспекты; 2/ одновременно «насыщать» историографическими элементами «родственные» дисциплины – источниковедение, теорию и методологию истории, методiku исторического исследования и проч.; 3/ рассматривать отечественную историографию в контексте европейской и общемировой (не забывая опыт А.Л. Шапиро).

6. О преемственности. 1960–1980-е гг. – эпоха «историографического возрождения», к достоинствам которой не стоит относиться нигилистически, воспринимая советское наследие (не смешивать с «наследством»!) как нечто однородное. Советская наука – сложное, «многослойное целое», система противоречивая, в которой «официоз» сосуществовал с оппозицией «по умолчанию», догматизм – с творческими поисками и находками. Одной из специфических черт интеллектуального развития в переломные эпохи выступает факт идеализации «позавчерашнего» дня и отрицание «вчерашнего» – своих непосредственных предшественников. *Переоткрытие* «дореволюционной» историографии существенно обогатило сегодняшний историографический мир, однако не исключено, что в недалеком будущем такое же *переоткрытие* ждет и советское историографическое наследие. Или мы по-прежнему в плену «синдрома превосходства»?..

7. P.S. В заключении признаю, что все это – всего лишь моя интерпретация текстов уважаемых Коллег⁶⁷, мое понимание их взглядов, мое видение их конструкций. Мой текст, таким образом, становится одной из разновидностей т.н. «вторичных» текстов со своей структурой и архитектурикой, со своими играми формотворчества, с «безгранично-ограниченными» интерпретационными фантазиями и со своим целеполаганием. И, наконец, позволю себе повторить мудрое замечание: «Мои сегодняшние глаза – это всего лишь сегодняшние глаза, отнюдь не мои завтрашние»⁶⁸.

⁶⁶ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). С. 7.

⁶⁷ К сожалению, многие работы, привлеченные автором для этой статьи, остались за пределами данного текста, но вошли в «виртуальный» текст, расширив диапазон осмысления.

⁶⁸ Акутагава Рюноске. Из заметок «Текодо» // Акутагава Рюноске. Новеллы. М., 1974. С. 544.